

25 декабря 1920 г.

Л.С. СОСНОВСКИЙ
"ПЛАКАТНАЯ АГИТАЦИЯ. ОПЫТ РЕЦЕНЗИИ"

Плакаты издают сейчас решительно все, кому вздумается: любое учреждение, любая организация. К сожалению, удачные, хорошо продуманные плакаты встречаются очень редко. Чаще попадаетея работа "бездушная", исполненная наспех, точно на дешевый рынок, никого не волнующая. А иногда плакат способен вызвать совершенно противоположные настроения.

Беру из пачки последних плакатов самые плохие. Агитационно производственный плакат. На одной половине изображен зело упитанный мужичок в красной рубахе, синих штанах и начищенных сапогах. Он сидит на груди мешков с хлебом. Надпись под этим лаконичная – "В Сибири". На другой половине – дверь продовольственной лавки "Единого рабоче-крестьянского кооператива № 1047". На дверях – аншлаг: "Хлеба нет". Старуха ведет от двери двух плачущих малюток. Дальше на полу в позе сумасшедшей сидит тощая интеллигентка с ребенком и отчаянным взглядом уставилась в двери лавки. Еще дальше – из лавки идет, согнувшись от горя, человек в синих штанах. Картина в общем безнадежно жуткая. И подпись под этим – "В России"⁴⁰¹.

Сначала я подумал, что это белогвардейский плакат времен Колчака, изданный специально для того, чтобы показать, сколь благоденствуют подданные Колчака и сколь страдают граждане Советской Республики. Насколько помню, подобные плакаты издавались и Колчаком, и Деникиным. Так как на плакате нет обычного обозначения РСФСР и других надписей, то сначала кажется, что это и есть плакат белых. Но потом всматриваешься и находишь крошечными буквами пометку: "Омск, 1920 год, Сибирское Государственное издательство и Сибпродком"⁴⁰². Очевидно, авторы и издатели рассчитывали плакат именно на того субъекта в синих штанах, что сидит на горе мешков с хлебом. Хотели его разжалобить зрелищем голодных людей. Это – прием, пригодный для филантропического общества, собирающего пожертвования в пользу бедных, но не для пролетарской диктатуры, ведущей настоящую суровую войну за хлеб для рабочего класса.

⁴⁰¹ Точное название плаката установить не удалось.

⁴⁰² Губернские, областные, уездные и городские продкомы учреждены декретом ВЦИК от 31 мая 1918 г. Были подчинены Наркомпроду РСФСР и действовали под контролем местных Советов. В их функции в условиях Гражданской войны и военного коммунизма входили: заготовка хлеба и др. продуктов, их распределение, снабжение сельского населения промышленными товарами первой необходимости. При них действовали особые вооруженные отряды из рабочих – продотряды – осуществлявшие заготовку на местах. С переходом к НЭПу осенью 1921 г. преобразованы в продовольственные отделы местных Советов.

Продагитация должна выяснять владельцу излишков его обязанность сдать хлеб государству, затем выгодность этой операции, так как в ближайшем будущем государство вернет стоимость этого хлеба товарами и т.д., но не пытаться разжалобить его.

А затем – зрелище сидящей на мостовой, обезумевшей от голода женщины с ребенком – теперь в таких красках не решаются изображать советский режим даже заядлые белогвардейцы, ибо всему миру известно, что уж детей-то советская власть во всяком случае обеспечивает в первую голову. А на плакате сильнее всего изображены дети. Мне думается, белогвардейцы охотно купили бы этот "Советский" плакат для своих целей.

Вот другой плакат, посвященный борьбе с неграмотностью. И здесь автор⁴⁰³ подошел к теме не только без души, но и без малейшего желания вникнуть: когда происходит дело, в какой стране, при каких условиях. На плакате – два ряда рисунков. Верхний – "Жизнь безграмотного". Нижний – "Жизнь грамотного". Горька жизнь безграмотного. Вот он купил корову, ибо, как свидетельствует автор, – "жизнь в деревне нелегка, если нету молока". Но корова околела. Почему? "Знать, пришлась не ко двору". Что это значит – "не ко двору"? И что значит это, если дальше автор поясняет: "в этом деле мужика купцы нагрели".

Слово "купцы" – как будто немножко позабыто к 1920 году. Но пойдём дальше и последим за участью безграмотного. Вот он приехал в Петроград. Ах, бедный!

...Куда пойти,
Магазины где найти,
Чтоб купить себе что надо.
Так ни с чем из Петрограда,
Где ему не повезло,
Возвратился он в село.

Можно подумать, что научившись грамоте, наш мужик купит (!!) в магазинах (!!) всё, что ему надо. Только вынимай ассигнации. Точно у нас существует вольная торговля в 1920 году.

А с другой стороны – какая это чепуха: при старом режиме ни один неграмотный (если у него деньги были) никогда не уезжал "ни с чем" из города, а покупал все, что ему надо, при вольной торговле.

Но вот "знатный грамотей" Сергей. В качестве грамотея он в книжке узнает: "где купить хороший плуг". Опять купить? И будто бы вся трудность сейчас в том, что не знают, где продаются плуги.

А вот еще прелестная идиллия:

⁴⁰³ Имеется в виду А.А. Радаков.

Нужен был Сергею скот.
Он на ярмарку (!) идет,
Книгу взять, где видно ясно,
Как купить, чтоб не напрасно
За корову деньги дать.
Вот Сергей стал выбирать.
Как купцы ни говорили,
Как товар свой ни хвалили,
С книжкой он совет ведет:
Книжка – друг, не подведет.

А на рисунке – идиллия. Бородатый мужичок с книжкой в руках и чуть не с зонтом под мышкой торгует у цыгана корову. Подумайте, какой успех культуры! Вы уверены, что плакат издан в 1920 году при советской власти? Да, так и напечатано: "Гос. издат. Петербург, 1920 г."

Далее, наш грамотей решил умирать, а потому – написал завещание (!). Во-первых, сколь реально это "завещание" в нашем крестьянском быту? А во-вторых, как будто бы есть декреты об отмене права наследования, хотя и с изъятиями для малоимущего населения.

Но у грамотея после смерти осталась еще бухгалтерия:

...В свои тетради
Все расходы, все достатки
Он вписал. И сыну ясно,
Жизнь отца не шла напрасно.

Прикопил, значит, мужичок? Очень похвально! Заслуживает подражания!

Таким образом, в 1920 году грамотность нужна не для борьбы, не для строительства новой жизни, не для управления своей страной, а для купли-продажи, стяжания, накопления и наследования. Всё это – курам на смех. Пользу грамотности применительно к советскому быту нужно доказывать совершенно другими примерами. Как хорошо знали раньше художники прежний, капиталистический, быт и как плохо знают они нынешний. Тот же Радаков, чьи рисунки и текст на разбираемом плакате – он не из последних, а из первых рисовальщиков в России. Но он не вдумался, и его "заказчики" не потрудились ему растолковать, в чем дело. Нужно совместно с художниками обстоятельно обсудить содержание и форму плаката до выполнения, иначе будут повторяться такие неприятные случаи, как перечисленные. О других плакатах – после⁴⁰⁴.

⁴⁰⁴ Важно отметить агрессивно-злой фельетон Л.С. Сосновского против левого искусства под названием *Довольно «маяковщины»*, опубликованный в *Правде* 8 сентября 1921 г. Поводом для него послужило так называемое *дело Госиздата* – иск В.В. Маяковского в суд на неуплату руководством издательства причитавшегося ему гонорара за напечатанную пьесу. Суд встал на сторону поэта и, в частно-

сти, вынес решение исключить на шесть месяцев из профсоюза зам. председателя редколлегии Госиздата И.И. Скворцова-Степанова. *«Итак, старый, испытанный революционер, – пишет автор, – не может быть членом пролетарского союза, а футурист Маяковский может. Он всё может. Я думаю, этот эпизод должен стать последней каплей. Мы добродушные и терпеливые ребята, но ворота деетем мазать не позволим. Господин Маяковский обижен, что ему не заплатили за печатание <...> какой-то футуристической челухи, опубликованной в театральном журнале. <...> Пусть любая комиссия из любых рабочих разберется в фактических гонорах наших развязных поэтов и художников от футуризма, чтобы понять, с чем имеет дело. Видел ли ты на Тверской в окне РОСТА выставлявшиеся раньше цветные размалеванные, якобы революционные, плакаты? Теперь их, к счастью, нет. Но раньше они оскорбляли глаз ежесуточно. Кому они доставляли удовольствие? Гг. футуристам. Ибо они получали за них фантастические гонорары. Раз–раз кистью – готова картина. <...> Прибавлена к нелепому рисунку пара нелепых строк, якобы стихов. <...> Выходит декрет за подписью т. Ленина о посевоках или хоть о продналоге. ГПП решает почему-то, что в деревне декрет не поймут, если к нему не прибавить грубый и глупый плакат, где у мужика нелепое зеленое лицо, желтые волосы и синий нос. Или почему-то думают, что исторический декрет о продналоге – творчество умов партии – без дополнительной рекомендации футуристов в издевательских клоунских "стихах", "популяризирующих" ленинский декрет, такой декрет не будет выполняться. И вот футуристам заказывают рисунок и текст комментария к декрету, заготавливают по оригиналу трафареты, и пошла писать. <...> Заразилась и провинция. Нашлись и там ловкачи, подражатели маяковских, великовозрастные остолопы, не умеющие рисовать и не желающие этому делу учиться, но желающие "жрррат" по самому высокому тарифу. Получив из Москвы порцию маяковщины, они решают добывать свой кусок хлеба с маслом тем же путем. Бац–бац краской по бумаге. Якобы нарисован плакат. <...> Сколько денег ухлопано по молодости и глупости нашей маяковщины и подумать страшно. И вдруг товарищей, не склонных легкомысленно тратить скудные средства нашего государства, сажают на скамью подсудимых, пытаются опозорить изгнанием из союза. Шутить изволите, господа футуристы. Мы постараемся прекратить ваши неуместные и слишком дорогие для Республики шутки. Надеемся, что скоро на скамье подсудимых будет сидеть маяковщина. <...> Отовсюду идет вопль: "Довольно маяковщины... Дайте нам искусство, доступное простому глазу и простому здравому смыслу". <...> Пора РКП в лице рабочих и контролеров поговорить с маяковщиной на прозаическом языке цифр, смет и ассигновок. Пусть маяковщина ищет себе места на Смоленском рынке». Газета сопроводила фельетон Л.С. Сосновского примечанием От редакции: «Редакция присоединяется лишь к той оценке, которую автор дает футуризму как направлению, что же касается всех других вопросов, <...> авторитетное решение должно быть вынесено соответствующими советскими и профсоюзными органами». 10 сентября Правда сообщила, что суд пересмотрел решение, оправдав И.И. Скворцова-Степанова. Эта история среди прочего подчеркивает ситуацию, сложившуюся после создания отдела ИЗО Наркомпроса, в руководстве которого поначалу оказались в основном представители левых течений в искусстве (такое положение объясняется тем, что авангард был революционен по сути, являлся новаторским искусством и также, как новая власть, стоял на позициях уничтожения старых форм и мировоззрений). Тем не менее левые постоянно подвергались критике и нападкам со стороны ортодоксальных партийных и советских работников – поборников полного подчинения искусства интересам пролетарской диктатуры. В 1922 г. им удалось наконец левое руководство сменить. Заведующий Агитпропом ЦК РКП (б) Л.С. Сосновский был одним из самых решительных гонителей тогдашнего ИЗО. «Если вместо меня наркомом стал бы Сосновский, – говорил А.В. Луначарский на одном из диспутов, – если бы он стал действовать согласно своему вкусу, то он должен был бы разгромить окончательно левый фронт».*

Чтобы убедиться, что слово *футуризм* не случайно становилось в устах начальников от искусства сугубо бранным, достаточно вспомнить адресованную в 1921 г. А.В. Луначарскому записку В.И. Ленина, связанную с изданием поэмы В.В. Маяковского «15000000»: «Как не стыдно голосовать за издание 15000000 Маяковского в 5000 экз.? Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи нужно лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков. А Луначарского сечь за футуризм». Тогда же и о том же В.И. Ленин написал члену редколлегии Госиздата М.Н. Покровскому: «Условимся, чтобы не больше 2-х раз в год печатать этих футуристов и не более 500 экз.». (Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 52. С. 179–180). Начало начал дальнейшего постоянного вмешательства партийного руководства в вопросы искусства! Отметим также, что В.И. Ленин выразил в записке для Политбюро ЦК РКП (б) свое возмущение первоначальным решением суда по упомянутому выше делу Госиздата (Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 53. С. 170). [Об отношении В.И. Ленина к левому

Опубликовано: *"Вестник агитации и пропаганды"*. 1920. № 4. С. 17.

искусству и к творчеству В.В. Маяковского см.: *Черемин Г.С. "...Ленин отметил меня..."* // Русская литература. 1978. № 1. С. 65–81; см. также ниже примеч. 585].